

УДК 801.7

В.Я. БРЮСОВ – КРИТИК Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Сергеева-Клятис А.Ю.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

Автор рассматривает первую реакцию литературной критики на книгу Б. Пастернака «Сестра моя жизнь». Книга была издана в мае 1922 года. Почти сразу появилось несколько рецензий, одна из них принадлежала В.Я. Брюсову. Брюсов во многом задал канон будущим критикам Пастернака, обозначив главные пункты критической работы с его поэзией. А также проявил себя как тонкий рецензент, умеющий разглядеть глубинный авторский замысел и выявить особенности поэтики. Это доказывает письмо Пастернака, написанное Брюсову перед отъездом в Берлин в августе 1922 года, в котором поэт открыто говорит о специфике новой книги стихов и ее революционном характере. Критическая статья Брюсова явилась первой в серии статей 1922 года, которые представляли адекватную и близкую авторской трактовку «Сестры моей жизни».

Ключевые слова: творчество Пастернака, литературная критика, полемика.

V. BRUSOV, THE CRITIC OF PASTERNAK

Sergeeva-Klyatis A.Y.

Moscow State University by M.Lomonosov, Moscow

Author investigates the first reaction of literary critics on the book of B.Pasternak "My sister life". The book was edited in May of 1922. At once several reviews appeared/ One of the belonged to V.Brusov. Brusov gave the canon to the future critics of Pasternak, underlined the main points in critical work with his poetry. At the same time he showed himself as a very shrewd critic who can understand the inner sense of poet's intension and uncover the main features of poetics. It is proved by the letter of Pasternak which was written to Brusov just before his leaving for Germany in August 1922. In this letter Pasternak writes about the specifics of his new book of verses and it's revolutionary character. The critical review of Brusov was the first in a series of articles of 1922 which performed the adequate and close to the poet interpretation of "My sister life".

Keywords: Pasternak's creative work., literary critics, polemics.

В самом конце 1916 года, готовясь к выходу в свет своей второй поэтической книги «Поверх барьеров», Пастернак фактически уже жил предощущением третьей. Это предощущение соединялось в нем с ожиданием общественных перемен, хотя в творчестве Пастернака политические мотивы преломлялись в онтологические и воспринимались не в бытовом, а в бытийном ключе. Так, в письме родителям из Тихих Гор он сообщал: «Пробегаю газеты, я часто содрогаюсь при мысли о том конце и о той пропасти, которая разверзается между дешевой политикой дня и тем, что – при дверях. Первое связано привычкой жить в эпоху войны и с ней считаться; -- второе, квартируя не в человеческих мозгах, принадлежит уже к новой эре, которая, думаю, скоро за первой воспоследует»¹. Разница между искаженно воспринимающим происходящее человеческим сознанием и высшим смыслом истории с очевидностью выражена Пастернаком. Далее – об ощущении, с которым поэт встречает наступающую «новую эру»: «Иными словами: я не ищу просвета в дрящемся еще сейчас мраке потому, что просвета не будет, потому, что будет сразу свет. Искать его сейчас в том,

¹ Здесь и далее тексты Б.Л. Пастернака цитируются по изданию: Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : В 11 т. - М., 2003-2005.

что нам известно, нет возможности и смысла: он сам ищет и нащупывает нас и завтра или послезавтра нас собою обольет». О таком же восприятии Пастернаком уже после Февральской революции событий эпохи свидетельствует К.Г. Локс в своих воспоминаниях: «Подумайте, -- сказал он мне при первой же встрече, – когда море крови и грязи начинает выделять свет». По замечанию Е.Б. Пастернака, «этот подъем стал импульсом создания “Сестры моей жизни”» [13, с. 227]. В «Послесловье» к «Охранной грамоте» Пастернак дал художественное описание «этого подъема»: «Едва ли сумел я как следует рассказать Вам о тех вечно первых днях всех революций, когда Демулены вскакивают на стол и зажигают прохожих тостом за воздух. Я был им свидетель». Вынужденная краткость этого свидетельства, ограниченного историческим сроком с Февраля по Октябрь, объясняется новым вторжением политики, подмявшей под себя большое и бытийное в пользу узкопартийных интересов. Об этом отчетливо говорится в «Докторе Живаго»: «За своим плачем по Ларе он оплакивал также то далекое лето в Мелюзееве, когда революция была тогдашним с неба на землю сошедшим богом, богом того лета, и каждый сумасшествовал по-своему, и жизнь каждого существовала сама по себе, а не пояснительно-иллюстративно, в подтверждение правоты высшей политики». Итак, новая эра, долженствующая наступить после революции, в ощущении Пастернака 1916 года связывалась с представлением о свете и «сошествии Бога на землю», неслучайно и в цитированном выше письме родителям он употребляет Евангельскую формулу: «при дверях»², указывающую на близость больших событий. Книга «Сестра моя жизнь», практически полностью написанная весной и летом 1917 года, и есть главное оставленное поэтом поэтическое свидетельство об этом времени. Нет ничего удивительного, что библейская, вообще религиозная метафорика, наполняет эту книгу стихов, название которой прямо отсылает к «Il Cantico di Frate Sole» Св. Франциска Ассизского, а через него к 135-му Псалму³. Очевидно, лишним будет приводить перечень тех признаков времени, которые должны были настолько восхищать Пастернака, чтобы стать синонимами счастья, любви и творческой самореализации. Детально и обстоятельно он изложил их сам в «Докторе Живаго». Важно заметить, что отраженное в книге стихов переживание не изгладилось из его памяти на протяжении всей жизни, а в 1922 году, когда «Сестра моя жизнь» ожидала своего первого издания, оно было еще очень свежо.

Свобода политического характера, поданная через личные переживания и жизнь природы, находила отражение и в новой свободе языка, доселе Пастернаком еще не испытанной. Впоследствии он признавался: «Я всегда хотел писать так, как писал “Сестру мою жизнь”. Блок все делил на периоды просветленности и периоды “ватные”. У меня таким

² Христос употребляет это выражение для обозначения наступающего Царствия Божия (Мф., 24:33)

³ См. об этом подробную и содержательную работу А.К. Жолковского «Книга книг Пастернака: О заглавном тропе “Сестры моей жизни”» [9, с. 117-151].

периодом просветленности была “Сестра моя жизнь”, а потом это никак не повторялось, -- бесконечно длился “ватный период”, вплоть до романа, который мне было очень легко писать» [13, с. 233]. Свобода слова, обусловившая легкость писания, была связана с поэтикой экспромта и случайности, которую Пастернак определил в позднем письме к С. Чиковани (6 октября 1957): «Принципом отбора (и ведь очень скупого) была не обработка и совершенствование набросков, а именно сила, с которой некоторое из этого сразу выпаливалось и с разбега ложилось именно в свежести и естественности, случайности и счастье». Сближая свой собственный опыт с опытом П. Верлена, Пастернак писал в статье о нем: «Парижская фраза во всей ее нетронутости и чарующей меткости влетала с улицы и ложилась в строчку целиком, без малейшего ущемленья, как мелодический материал для всего последующего построенья». Мысль Пастернака об органической близости языка поэзии к разговорному языку, говору улицы, одинаково понятному каждому и далекому от литературной заштампованности, родилась именно в этот период работы над книгой «Сестра моя жизнь». Такова была установка творческая.

Накануне своего отъезда из России в Германию в августе 1922 г. Пастернак сообщал в письме В.Я. Брюсову о своем разговоре с Л.Д. Троцким⁴. Разговор этот, в частности, затронул и только что вышедшую из печати книгу «Сестра моя жизнь». Троцкий интересовался, отчего Пастернак воздерживается от откликов на общественные темы. «Я ограничился общими положениями и предупреждениями относительно будущих своих работ, задуманных еще более индивидуально, - сетовал поэт. - А вместо этого мне, может быть, надлежало сказать ему, что “Сестра” – революционна в лучшем смысле этого слова. Что стадия революции, наиболее близкая сердцу и поэзии, что – утро революции и ее взрыв, когда она возвращает человека к природе человека и смотрит на государство глазами естественного права (американская и французская декларации прав), выражены этой книгой в самом духе ее, характером ее содержания, темпом и последовательностью частей...». Вероятно, Пастернак неслучайно так подробно изложил свое видение революционности новой книги стихов именно Брюсову, который недавно высказался о «Сестре» печатно.

⁴ Л.Д. Троцкий не упомянул о Пастернаке в серии своих статей о литературе, которые печатались в «Правде» осенью 1922 г. и потом вошли в книгу «Литература и революция» (1923). Говоря о футуризме, Троцкий в качестве центральной фигуры избрал Маяковского, творчество которого, несомненно, представлялось ему более ценным. Однако его интерес к Пастернаку отразился во время дискуссии о роли попутчиков на совещании 9 мая 1924 г. при Отделе печати ЦК РКП (б), посвященном вопросу о политике партии в области художественной литературы. В частности, о влиянии «попутчиков» на молодую пролетарскую поэзию Троцкий высказался следующим образом: «...Безыменского не было бы на свете, как художника, если бы у нас не было сейчас Маяковского, Пастернака и даже Пильняка» [10, с. 59]. См. также: [16, с. 23-30].

В своем отклике он затронул и вопрос о революционности книги -- трактовка Брюсова практически совпала с авторской⁵. Брюсов писал: «У Пастернака нет отдельных стихотворений о революции, но его стихи, может быть, без ведома автора, пропитаны духом современности; психология Пастернака не заимствована из старых книг; она выражает существо самого поэта и могла сложиться только в условиях нашей жизни» [3, с. 57]. Нужно заметить, что позиция Брюсова по отношению к Пастернаку, высказанная в 1922 году, не была неожиданностью. Еще в 1913 г. в статье о футуризме Брюсов отмечал: «Между тем из задач, намеченных школою Маринетти, едва ли не благороднейшая – выразить дух современности» [5, с. 128]. Общее благожелательное отношение Брюсова к футуристам (ср. с его позицией по отношению к акмеистам того же времени) было, очевидно, задолго до появления «Сестры моей жизни».

Статья Брюсова 1922 г. оказалась значимой не только для самого Пастернака, но и для истории публицистики. Н.А. Богомолов пишет: «...В критике Брюсова после 1917 года появляется постоянный мотив, ранее отсутствовавший или присутствовавший лишь беглыми упоминаниями, -- мотив прогностический. Безусловно афористически сформулировано это в заглавии статьи 1922 года: “Вчера, сегодня, завтра русской поэзии”. Задача Брюсова-критика теперь видится им как триединая: подвести итоги бурного литературного развития предреволюционной эпохи, определить “смысл современной поэзии” и дать прогноз на будущее, по крайней мере на будущее ближайшее» [2, с. 29]. Собственно поэтическую деятельность футуристов Брюсов и считает сегодняшним днем. Несомненное предпочтение отдается творчеству Маяковского и Пастернака. Рассуждая о футуристических корнях Пастернака, Брюсов оправдывает самые крайние формы проявления футуризма, в том числе «заумь», как необходимый этап в развитии поэтического языка: «Мыслимо большое количество слов, аналогичных существующим, -- слов, которые не были созданы народом лишь потому, что в них не встретилось потребности. Поэт, которому нужно более точное, более детальное или более образное выражение, вправе такие слова творить сам, конечно, в духе языка и его морфологии» [3, с. 54]. Подтверждая свои теоретические выводы, Брюсов и сам в это время пишет стихи в духе Пастернака и Хлебникова, доказывая тем самым, что, «подобно научной разработке, испытанный футуристами склад стиха может быть теперь использован практически любым поэтом...» [2, с. 30].

В год выхода книги «Сестра моя жизнь» Пастернак еще зачастую отождествляется критиками с бобровской «Центрифугой», хотя в последние годы регулярно участвует в

⁵ Сходным образом о прозе Пастернака (повести «Детство Люверс», 1922) писали и другие критики: «Повесть Пастернака внешне несовременна. Нашей современности, революции в ней нет» [1; 6]. «Внешней современности – с выстрелами и флагами – он не ищет, и все же он – конечно, весь в современном искусстве» [12, с. 63].

литературно-издательских проектах группы Маяковского, -- в любом случае его имя должно ассоциироваться с футуризмом. Однако, по словам Флейшмана, уже после выхода книги «Поверх барьеров» (1916) «сравнение пастернаковской поэзии с футуризмом систематически принимает недоуменный оттенок»⁶. Мы увидим дальше, что по вопросу принадлежности Пастернака к футуризму критики высказывались тройко: помимо недоуменного оттенка («И опять спрошу: если на десятом году футуризма футурист пишет такие, -- прекрасные, впрочем, -- стихи, то – в чем же футуризм?» -- пишет о Пастернаке С. Клычков⁷), были и другие («...это, пожалуй, единственный “трамплин”, оставшийся в целостности в обширном гимнастическом зале футуризма» [11, с. 389]). Были те, кто намертво привязал Пастернака к футуристам по разным (в том числе идеологическим) соображениям, и те, кто столь же однозначно говорил о преодолении им футуризма уже на материале книги «Сестра моя жизнь». Брюсов, несомненно, считает Пастернака самым крупным из действующих футуристов наравне с Маяковским, и дальнейшую аргументацию строит на сопоставлении этих двух фигур: «Гораздо менее на виду была деятельность Б. Пастернака. Кроме стихов, изредка появлявшихся в немногочисленных журналах и альманахах революционного периода, он за последние годы дал лишь одну единственную книгу: “Сестра -- моя жизнь”, 1922 г.; это – собрание стихов, написанных в 1917 и 1918 гг., немногие – позже, в 1919—1920 г. Несмотря на то что влияние Пастернака на молодежь, пишущую стихи, было едва ли не равно влиянию Маяковского. Стихи Пастернака удостоились чести, не выпадавшей стихотворным произведениям (исключая те, что запрещались царской цензурой) приблизительно с эпохи Пушкина: они распространялись в списках. Молодые поэты знали наизусть стихи Пастернака, еще нигде не появившиеся в печати, и ему подражали полнее, чем Маяковскому, потому что пытались схватить самую сущность его поэзии. Стихи Б. Пастернака сразу производят впечатление чего-то свежего, еще небывалого: у него всегда своеобразный подход к теме, способность все видеть по-своему. В области формы – у него богатство ритмов, большею частью влитых в традиционные размеры, и та же новая рифма, создателем которой он может быть назван даже еще в большей степени, чем Маяковский. В творчестве языка Пастернак также осторожен, но, редко, сравнительно, прибегая в творчеству слов, он смел в новых синтаксических построениях и в оригинальности словоподчинений» [3, с. 57]. Заметим, кстати, что о сходном новаторстве прозы Пастернака писали в то же время и другие критики, например, Е.Замятин: «Сдвиг, новое, свое -- у него не в сюжете (он – бессюжетен) и не в словаре, а в той плоскости, в какой кроме него почти

⁶ Флейшман Л.С. Борис Пастернак в двадцатые годы. - СПб., 2003. - С. 12. Ср. высказывание И.А. Груздева: «...Если Пастернак причисляет себя к футуристам, то: в чем же тогда футуризм?» (Груздев И. Утилитарность и самоцель. // Петроград : литературный альманах. Вып. 1. - Пг., 1923. - С.36).

⁷ Клычков С. Лысая гора // Красная новь. – 1923. - № 5. - С. 189.

никто не работает: в синтаксисе» [12; 63]. Интересно, что Замятин высказался созвучно Брюсову и о чувстве современности Пастернака: «Внешней современности -- с выстрелами и флагами – он не ищет, и все же он, конечно, -- весь в современном искусстве» [12, с. 63].

Итак, Пастернак революционно-современен, генетически связан с футуризмом, сопоставим с Маяковским, и этого сближения невозможно избежать. Пастернак оказывает влияние на молодых поэтов, которые знают его стихи наизусть еще до выхода в свет его поэтических книг, он яркий новатор в области стиховой формы – рифмы, ритма, синтаксиса. И последний пункт, который оказывается чуть ли не самым важным во всей статье: «Насколько Маяковский, по настроениям своей поэзии, близок к поэтам пролетарским, настолько Пастернак, несомненно, -- поэт-интеллигент. Частью это приводит к широте в его творческом захвате: история и современность, данные науки и злобы дня, книги и жизнь – всё, на равных правах, входит в стихи Пастернака, располагаясь, по особенному свойству его мироощущения, как бы в одной плоскости. Но частью та же чрезмерная интеллигентность обескровливает поэзию Пастернака, толкает его к антипоэтической рефлексии, превращает иные стихи в философские рассуждения, подменяет иногда живые образы остроумными парадоксами» [12, с. 63]. Характеристика «поэт-интеллигент» исходно амбивалентна: с одной стороны, по тону сравнения с Маяковским легко догадаться, что Брюсову это качество импонирует, с другой – то же самое качество отрывает поэзию Пастернака от жизни, уводит ее в трансцендентные области.

В своей статье Брюсов, как это бывало и в других случаях (например, в статье «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм»⁸), создал трафарет, которым на протяжении десятилетий будет пользоваться советская критика для оценки творчества Пастернака. Каждый из названных пунктов впоследствии станет обязательным для обсуждения, в зависимости от конъюнктуры внимание к ним критика будет принимать различные оттенки. Но социальная характеристика Пастернака как «поэта-интеллигента» со всеми вытекающими из этого последствиями с течением времени станет практически лейтмотивом любого печатного высказывания о нем.

Рецензия В.Я. Брюсова относится к первым печатным высказываниям о «Сестре моей жизни» и знаменует начало того короткого периода (май-декабрь 1922 г.), когда критики Пастернака были либо конгениальны поэту (М.И. Цветаева, Н.Н. Асеев), либо профессионально одарены и независимы настолько, чтобы свободно выражать в статьях свой личный, глубоко продуманный взгляд на его творчество (Я.З. Черняк). Совпадения с авторской самооценкой, умение зачастую посмотреть на поэзию глазами самого Пастернака, разглядеть ее скрытые интенции – все это характеристики первой волны литературной

⁸ Русская мысль. - 1913. - № 4

критики «Сестры моей жизни», в которой как в зеркале отразился замысел книги и ее поэтические особенности.

Список литературы

1. Ашукин Н. Современность в литературе // Новая Русская Книга. - Берлин, 1922. - № 6.
2. Богомолов Н.А. Жизнь среди стихов // Брюсов В.Я. Среди стихов. 1824-1924. - М., 1990.
3. Брюсов В.П. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Печать и революция. - 1922. - № 4 (7).
4. Брюсов В.Я. Новые течения в русской поэзии: Футуристы // Русская мысль. - 1913. - № 3.
5. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. - М., 1996.
6. Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. - М., 2011.
7. К вопросу о политике РКП (б) в художественной литературе. - М., 1924.
8. Замятин Е.И. Новая русская проза// Русское искусство. - 1923. - №1.
9. Пастернак Е.Б. Чувство земной уместности: Исторические причины изменений отношения Пастернака к «Сестре моей жизни» // Poetry and Revolution: Boris Pasternak's "My sister life". Stanford, 1999.
10. Флейшман Л.С. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. - СПб., 2005.

Рецензенты:

Бурлака Д.К., д.филос.н., профессор, ректор Русской христианской гуманитарной академии, г. Санкт-Петербург.

Горелик Л. Л., д.филос.н., профессор кафедры журналистики и культуры речи Смоленского государственного университета, г. Смоленск.